

Великий наставник Ху, обливаясь слезами, вспоминал великие заслуги второго Наставника. Ему так и хотелось прижаться к кошачьему животику и вдохнуть его ауру — вдруг и он сам тогда проживёт до ста лет.

Рассказав о втором Наставнике, Ху открыл третий свиток, продолжая на ходу:

— В моих руках портрет третьего Государственного Наставника. Он стал основателем церемониала и этикета в нашей империи, и его появление изменило дух и облик всех жителей Великой Юй!

— Мяу?! — Пэй Мяо встрепенулся, стора от нетерпения увидеть кошку, которую Ху описывал с таким пафосом.

Если уж этот Наставник мог наставлять всех в Великой Юй на путь изящных манер и менять их дух, то, вероятно, и сам он был воплощением грации и очарования.

В голове Пэй Мяо замелькали образы персидских, рэгдоллов, шиншилловых, ли хуа мао и прочих породистых красавцев. Его ожидание достигло пика.

Однако реальность дала ему пощёчину.

Третий Наставник на портрете был изображён спиной к зрителю. Судя по позе, он и вправду отличался от обычных кошек. Первое, что бросалось в глаза, — это его пухлый зад и хвост, похожий на бамбуковый побег, пёстрый, жёлто-белый.

Выше виднелась рыжеватая шерсть на спине, маленькие уши, а когда он повернул голову — плоское, словно лепёшка, лицо. Круглые чернильно-чёрные глаза, почти отсутствующая переносица и щёки, очертаниями напоминающие иероглиф «восемь», — вся мордочка вместе складывалась в выражение полного недоумения, что создавало комичный эффект.

Пэй Мяо молча прикрыл глаза лапой. Простите, но он никак не мог оценить красоту экзота с мордой, будто расплющенной сковородой, — это было похоже на место катастрофы.

Тем временем Великий наставник Ху продолжал восхищённо вещать:

— Третий Наставник был изящен в движениях, умел быть и спокойным, и активным. Голос его был нежным и вкрадчивым, а выражение лица — невинным. Он стал образцом для подражания для всех женщин того времени. Но самое ценное — он был миротворцем. Нрав у него был мягкий, и каждый раз, когда он вмешивался, конфликты между нашей династией и соседними государствами разрешались легко и мирно. Пока он был жив, в Великой Юй царили мир и спокойствие, а государственная мощь неизменно росла.

Пэй Мяо снова прикрыл морду лапой. Будучи рыжим экзотом, этот кот вряд ли мог похвастаться изяществом или миролюбием. Истинный талант третьего Наставника, должно быть, заключался в умении «толстеть от одной воды». Как гласит поговорка: «Из десяти рыжих котов девять — толстяки, а один и вовсе проваливает лежанку».

Четвёртый Наставник, то есть непосредственный предшественник Пэй Мяо, был британской короткошёрстной кошкой голубого окраса. Телосложение — крепкое, шерсть — густая и плотная. Морда — полная, скулы — выдающиеся. Глаза — круглые и яркие, медного оттенка, очень похожие на глаза раздобревшего английского джентльмена Средних веков.

Его костяк был не самым крупным среди Наставников, но телосложение — самым мощным. Он

был смел и внимателен, а кошачье любопытство проявлялось в нём в полной мере.

Об этом Наставнике Пэй Мяо знал больше, ведь их часто сравнивали. Внешне Пэй Мяо походил на рэгдолла — крупный, с длинной мягкой шерстью и милой мордочкой, за что его в шутку называли «кошка-богатырша». Британец же был мускулистым, с короткой густой шерстью и мужественной мордой, а характер имел добродушный и любознательный.

У каждого были свои поклонники, что вполне подтверждало поговорку «на вкус и цвет товарища нет».

Ласковое солнце за окном мягко согревало шерстку. Пэй Мяо смотрел на Великого наставника Ху на кафедре, веки его тяжелели, голос Ху становился всё дальше и невнятнее. Голова клонилась, и он чуть не стукнулся лбом о стол.

Гу Циянь, не знавший, смеяться ему или сердиться, повернулся и подхватил задремавшего котёнка, устроив его у себя на коленях. Пэй Мяо, внезапно проснувшись, приоткрыл глаза, увидел Гу Цияня и снова их закрыл, самозабвенно устроившись поудобнее и погрузившись в глубокий сон.

Когда он проснулся, в Императорской школе, кроме Гу Цияня, никого не было. Портреты прежних Наставников, висевшие на стене, тоже уже убрали.

Пэй Мяо был ещё совсем сонный. Прикрыв глаза передними лапами, он сладко потянулся в объятиях Гу Цияня, вытянувшись в длинную кошачью полоску.

— Проснулся? — раздался у самого уха тихий смешок Гу Цияня.

Кто-то взял его заднюю лапку, и тёплые подушечки пальцев пощекотали мягонькую подушечку на лапе.

— Сяо Доуцзы уже приготовил обед в Дворце Чансинь. Там есть твой любимый паровой окунь. Хочешь?

Пэй Мяо повёл ушами. Его сознание, ещё ленивое после сна, мгновенно прояснилось при словах «окунь». Он мягко поднялся с колен Гу Цияня, выгнул спинку и потянулся.

Шерсть у него была длинная и мягкая, после сна вся взъерошенная, да и сам он выглядел слегка одурманенным. Степень милоты зашкаливала!

Гу Циянь обожал его в таком послушном, сонном виде. Не в силах сдержаться, он наклонился и дважды поцеловал котёнка в щёчку.

Поцеловав, он вдруг осознал, что повёл себя слишком фамильярно, и смущённо отвернулся. На лице его не дрогнул ни один мускул, но кончики ушей мгновенно заалели.

На губах ещё оставалось ощущение чего-то пушистого. Он сжал губы, потом ещё раз, и на лице его расплылась едва заметная улыбка.

А поцелованный Пэй Мяо и внимания не обратил. Всё его сознание сейчас занимал аппетитный окунь, и ни капли не осталось на то, чтобы заметить юношеские переживания Гу Цияня. Так они и упустили друг друга на долгие годы.

После обеда Гу Цияня вызвал к себе император Цинлун для обсуждения предстоящего

Жертвоприношения Небу, а Пэй Мяо в сопровождении евнуха Ванцая отправился в Императорский сад.

Стояло уже начало лета, и растения в Императорском саду разрослись ещё пышнее. Куда ни глянь — всюду буйная зелень.

Пэй Мяо, словно птица, выпущенная из клетки, носился по саду, резвясь и бесясь. Он нёсся так быстро, что поймать его было невозможно. Ванцай бегал за ним по всему саду, и стоило ему почти настигнуть Господина Наставника, как тот прямо у него перед носом перелетал с искусственной горки в кусты.

Бедный евнух Ван готов был заплакать. Каждый раз, когда Господин Наставник выходил погулять, страдал именно он.

Наставник, предавшийся воле чувств, пригнулся и полез исследовать кусты, обзревая свои владения.

Поймал бабочку — выкопал ямку и закопал. Поймал птичку — подразнил, выдернул несколько пёрышек и отпустил. Нашёл цветок — красивый припрятал, чтобы вечером подарить Гу Цияню в качестве платы за ночлег, а некрасивый растоптал ногами, превратив в удобрение.

Меньше чем за час он умудрился перевернуть вверх дном добрую половину Императорского сада. Жабы, завидев его, в ужасе уводили свои семейства прочь, боясь потревожить этого предка.

Четырёхмесячный котёнок — самое озорное создание. Повалявшись в земле, он стал весь грязный, на шерсти прилипли листья — вид был самый жалкий.

Выбравшись из цветочных зарослей, он насторожил уши, огляделся и пустился бежать в сторону Дворца Чансинь.

Пробегая мимо древнего дерева, он вдруг почувствовал, как ему на спину упала маленькая веточка. Пэй Мяо так перепугался, что шерсть у него встала дыбом. Он выгнул спину, распушил хвост и настороженно осмотрелся.

— Ха-ха-ха, не думал, что Господин Наставник такой трусишка! — под деревом раздался звонкий юношеский голос. — Испугался из-за веточки, вот же слабак!

Пэй Мяо инстинктивно поднял голову. Среди зелёной листвы он ясно разглядел лицо Третьего принца.

При встрече с обидчиком глаза наливаются кровью. Обида за яйца ещё не забылась, а теперь его ещё и трусом обозвали. Похоже, с Третьим принцем они теперь смертельные враги.

Пэй Мяо прищурился. На солнце его зрачки сузились в тонкие линии, осталась лишь чистая лазурь. Он недобро уставился на человека на дереве.

Он прикинул высоту от земли до ветки. Третий принц сидел на ветке примерно на трёхметровой высоте. Свалиться оттуда было бы весьма неприятно.

Пэй Мяо дёрнул усами, обнажив один острый клык. Когти вышли из подушечек, задние лапы с силой оттолкнулись — и в мгновение ока он вцепился в дерево, вонзив острые когти глубоко в кору, чтобы удержаться.

— Мяу! — Эй, парень, не смей убежать!

Пэй Мяо вильнул хвостом и быстро забрался ещё выше, оказавшись на той же ветке, где сидел Третий принц.

Он вытянул вперёд одну лапу, испытующе сделав шаг, сократив расстояние между ними. Затем вскинул голову, и во всей его позе появилось пренебрежение.

<http://bllate.org/book/16288/1467856>